

словом, революция со всею взаимною ненавистью партий, со страшными столкновениями интересов, с ее актами мести и взаимного устранения!

В течение пяти следующих недель депутаты третьего сословия пытались путем переговоров склонить депутатов двух других сословий к тому, чтобы заседать вместе, в то время как роялистские комитеты агитировали, чтобы удержать разделение между сословиями. Переговоры ни к чему не приводили. Но тем временем поведение народа в Париже становилось все более и более угрожающим. Пале-Рояль, превратившийся в клуб на открытом воздухе, куда все имели доступ, возбуждался все больше и больше. Брошюры сыпались изо дня в день, и их читали нарасхват. «Каждый час появляется новая брошюра, - писал Артур Юнг, - сегодня их вышло тринадцать, вчера - шестнадцать, а на прошлой неделе - девяносто две. Девятнадцать из двадцати говорят в пользу свободы... Брожение превосходит всякое воображение». Ораторы обращаются с речами к толпе, стоя на стульях около кафе, и уже говорят о том, чтобы захватить дворцы и замки. Слышатся уже угрозы террора, а в Версале у дверей Национального собрания каждый день собираются толпы народа, чтобы выразить свое озлобление против аристократов.

Депутатов третьего сословия поддерживают. Мало-помалу они становятся смелее, и, наконец, 17 июня они объявляют себя, по предложению Сиейеса, *Национальным собранием*. Это был первый шаг к упразднению привилегированных классов, и парижский народ приветствовал его шумными овациями. Набираясь еще больше смелости. Собрание постановило тогда, что существующие налоги, как неустановленные законом, будут взиматься лишь временно и только покуда заседает Собрание. Как только оно будет распущено, народ не обязан больше платить налоги. Назначен продовольственный комитет для борьбы с голодом. После чего Собрание поспешило успокоить капиталистов, торжественно признав и утвердив государственный долг. Акт, очевидно, в высшей степени благоразумный в такой момент, когда главное было просуществовать и когда нужно было обезоружить такую силу, как заимодавцы-капиталисты, которые стали бы весьма опасными, если бы они перешли на сторону двора.

Но все это значило идти наперекор королевской власти. Поэтому принцы (герцог Артуа, герцог Конде и герцог Конти) в сообществе с хранителем печати стали готовить государственный переворот. В намеченный ими день король должен был торжественно явиться в Собрание, отменить все его постановления, предписать разделение сословий и самому указать несколько реформ, которые должны будут провести сословия, заседаая порознь.

Что же думал противопоставить этому перевороту, подготовлявшемуся двором, типичный представитель буржуазии того времени Неккер? Компромисс; ничего более. Он тоже хотел, чтобы король в торжественном заседании заявил и утвердил свои права, свою личную власть, после чего он *даровал* бы голосование по числу депутатов без различия сословий по всем вопросам о налогах. Во всем же том, что касалось привилегий дворянства и духовенства, должен был быть сохранен порядок заседаний каждого сословия порознь.

Это было, очевидно, еще менее осуществимо, чем проект принцев. Прибегать к рискованному средству - перевороту силой королевской власти ради такой полумеры, которая все равно не могла бы продержаться дольше двух недель, было совершенно нелепо. И притом, как же можно было провести реформы в налогах, не затрагивая именно привилегий двух высших сословий?

Тогда 20 июня депутаты третьего сословия, ободряемые все более угрожающим поведением парижского и даже версальского населения, решили воспротивиться проектам роспуска Собрания и для этого взаимно связать себя торжественной клятвой. Найдя свою залу закрытой ввиду происходивших в ней приготовлений к королевскому заседанию, они отправились процессией в первую попавшуюся частную залу - в залу *Jeu de Paume*. Толпа народа сопровождала эту процессию, когда она с Байи во главе проходила по улицам Версаля. Солдаты-добровольцы предложили свои услуги для ее охраны. Энтузиазм окружавшей их толпы увлекал депутатов.

Придя в залу *Jeu de Paume*, взволнованные и потрясенные, они все, за исключением одного, в благородном порыве торжественно присягнули, что не разойдутся до тех пор, пока не выработают конституцию для Франции.

Правда, то были только слова. В этой присяге было даже нечто театральное. Но бывают минуты, когда такие слова, заставляющие биться сердца людей, необходимы. А присяга, принесенная в зале *Jeu de Paume*, действительно заставила горячо биться сердца революционной молодежи во Франции. Горе тем собраниям, которые не сумеют даже найти таких слов, не сумеют сделать даже такого торжественного заявления!